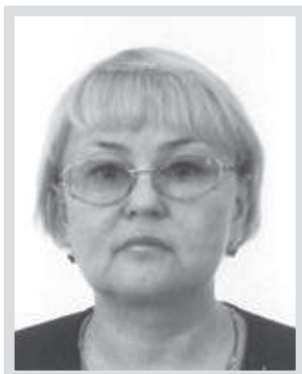


УДК 340

Социологические предпосылки общеправовой теории маргинальности

**Степаненко Р.Ф.**

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Университета управления «ТИСБИ» (Казань)

В статье рассматриваются теоретические концепции и положения социологической науки, лежащие в основе изучения общих и специфических закономерностей, причинности и т.д. формирования отчуждения, девиации и других форм правонарушающего поведения.

Ключевые слова: отчуждение, дифференциация, стратификация, мобильность, маргинальность.

Продолжение. Начало статьи в ВЭПС. – 2010. – № 4. – С. 114-119.

Не менее важной для более глубокого осмысления процессов маргинализации, по нашему мнению, является теория разделения труда Э. Дюркгейма, изложенная в работе «О разделении общественного труда» (1893), которая хотя и явилась, по мнению известного русского социолога, правоведа и историка М.М. Ковалевского, продолжением теории социальной дифференциации Г. Зиммеля, в то же время легла в основу позитивистской социологической теории и получила общее признание западноевропейских и российских представителей социологической, философской и правовой мысли. Теоретико-методологическую основу концепции Дюркгейма составляет такая разновидность социального реализма, как социологизм. Опираясь на этот принцип, Дюркгейм наделял общество чертами физического и морального превосходства над двойственной сущностью человека. Придерживаясь этого же принципа, Дюркгейм объяснял «социальное социальным». Другим его теоретико-методологическим принципом является «социальная солидарность», от которой, по мнению Дюркгейма, зависят развитие общества и его социальный прогресс.

Представляется, для общей теории маргинальности и правового подхода в ее исследованиях является достаточно важным положение теории Дюркгейма о зависимости социальной солидарности «от нашего индивидуального организма», от социальных условий, которые объясняют ее, и от которых ее невозможно отделить [1, с. 68]. Что касается социальных условий, то они, при прочих равных обстоятельствах,

как известно, предполагают формальное равенство для всех индивидов от рождения, а изменение их в своем большинстве, по мнению автора, происходит уже в зависимости от возможностей и способностей самого индивидуального организма. В частности, между наследственными склонностями индивида и функцией, которую он будет выполнять, лежит большое расстояние, в котором, в силу многих причин, вертикальная мобильность может направляться в сторону ее восходящей векторности, а может «заставить природу индивида уклониться от своего нормального направления и создать патологическое» [1, с. 348] или, по крайней мере, маргинальное направление. Нравственный выбор данного направления зарождается так же, как и физический, однако, проявляется он только на *предрасположенной почве*.

Что касается способностей индивида, которые безусловно различны в своем преобладающем большинстве, то разделение труда – по Дюркгейму – как раз обеспечивает их выявление. А это, в свою очередь, уже влияет на векторность индивидуального выбора области применения этих способностей с наибольшей для общества пользой или наоборот. Дюркгейм считает, что возникновение социального неравенства имеет место тогда, когда человек по-разному находит и оценивает «свое счастье», в том числе и в зависимости от своих *природных склонностей*, но при этом потребности человека должны быть пропорциональны его средствам. «Высшие общества», – отмечает Дюркгейм, – «могут удерживаться в состоянии равновесия, только если их труд

разделен; притяжение подобного подобным все менее достаточно для достижения этого результата» [1, с. 368], для чего, в числе прочего, необходимо существование в этих обществах и соответствующих моральных правил.

Рассматривая противостоящую этим правилам и коллективным чувствам сферу, которая влечет за собой репрессивные санкции (проституция, нищенство, бродяжничество, пьянство и т.д.), Дюркгейм объясняет негативное отношение коллективного сознания к данным видам маргинальных проявлений причиной неразделенности общественного труда в примитивных обществах. Однако, как отмечает автор, и само формирование этих правил происходило в условиях значительной исторической и социальной несправедливости, подтверждаемой тем фактом, что охраняющие личность законы некогда оставляли вне сферы своего действия часть населения, а именно детей и рабов. В правилах запрещались покушения на жизнь членов группы, но в этом отказывалось детям и рабам.

Именно в теории разделения общественного труда Э. Дюркгейм находит способы и механизмы усовершенствования социальных процессов и указывает на необходимость интенсификации процессов разделения труда, а следовательно, на возрастание роли коллективной органической солидарности, имеющих главным своим объектом не социальные явления, но индивидов. Он отмечает, что такое усовершенствование зависит «исключительно от социальной ценности индивидуального фактора, а последняя, в свою очередь, определяется не абсолютным ее развитием, но относительным объемом его участия в системе социальных явлений» [1, с. 161]. Такие общества должны стремиться, насколько это возможно, устранить такое неравенство даже не потому, что это «прекрасное дело», но и потому, что *вопрос здесь уже идет о самом существовании этих обществ* [1, с. 353].

Как видится, исследование феномена маргинальности, который так или иначе, прямо, косвенно или опосредованно связан с процессами трансформации социальной структуры, целесообразно рассмотреть также и в рамках социально-стратификационного подхода, основателем которого традиционно признается крупнейший русский и американский социолог Питирим Сорокин. Следует заметить, что различные мировоззренческие философско-социологические взгляды П. Сорокина формировались одновременно в русле российских социальных мыслителей (Н. Михайловского, П. Лаврова, Е. Де-Роберти, Л. Петражицкого, М. Ковалевского и т.д.) и зарубежных (Г. Тарда, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, М. Вебера, К. Маркса, В. Парето и др.) теоретиков социологической мысли [1, с. 9-10].

Первоначальные теоретико-методологические построения Сорокина и их методологическое обос-

нование осуществлялись им в духе неопозитивистско-бихевиористического синтеза, в дальнейшем ставшими частью разработанного им структурного метода. Согласно этому методу Сорокин разделяет теорию социологии на 1) социальную аналитику, 2) социальную механику (ее объект – социальные процессы) и 3) социальную генетику (теория эволюции общественной жизни). С этих позиций он формирует свой исходный тезис о том, что социальное поведение основано на психофизиологических механизмах, а субъективные аспекты поведения суть «переменные» величины. Интегральным фактором всей социальной жизни он считал коллективный рефлекс [1, с. 18-19].

Классической мыслью Сорокина, квинтэссенцией по проблемам стратификации и мобильности, по мнению теоретиков социологии, является работа «Социальная стратификация и мобильность» (1927), в которой автор отмечает, что социальная мобильность есть «явление перемещения индивида внутри социального пространства». В свою очередь, «1) социальное пространство – это народонаселение Земли; 2) социальное положение – это совокупность связей всех групп населения; 3) положение человека в социальной вселенной определяется путем установления этой связи; 4) совокупность таких групп, а также совокупность положений внутри каждого из них составляют систему социальных координат, позволяющую определить положение любого индивида» [1, с. 287-299].

Исследуя многомерность социального пространства, П. Сорокин называет такие варианты группировок людей по социальным признакам, в которых они идентифицируются по *принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, происхождению, полу, возрасту и т.д.* (что в целом совпадает с типологией маргинальности – Р.С.). При этом автор этой теории отмечает, что оси дифференциации населения по каждому из этих видов весьма специфичны и не совпадают друг с другом, что создает проблемы для наиболее корректной их классификации.

Упрощение этой задачи теории стратификации Сорокин видит в сокращении числа параметров до двух основных классов, при условии разделения каждого на несколько подклассов. Эти два основных класса можно определить как «вертикальный и горизонтальный параметр социальной вселенной». Горизонтальная мобильность предполагает переход из одной социальной группы в другую, расположенные на одном и том же уровне общей стратификации. Под вертикальной мобильностью Сорокин подразумевает перемещение индивида из одного уровня в другой [9, с. 300].

«Социальная стратификация», по Сорокину, – это дифференциация некой данной совокупности людей на классы в иерархическом ранге. Она выражается в

существовании высших и низших слоев. Основа и сущность социальной стратификации заключается в *неравномерном распределении* прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличия или отсутствия социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного сообщества. Экономический статус членов такого сообщества неодинаков, в нем проявляется наличие экономического *расслоения*, вне зависимости от принципов организации этого сообщества на капиталистических или коммунистических началах, а также, невзирая на то, что это общество определено конституционно как «общество равных» [1, с. 302]

Рассматривая виды стратификаций – экономической, политической, профессиональной – и собственно индивидуальной социальной мобильности и мобильности социальных объектов, Сорокин делает выводы, отдельные из которых, на наш взгляд, имеют существенное значение и для правового подхода в общей теории маргинальности, а именно:

– В любом обществе, в любые времена происходит борьба между силами стратификации и силами выравнивания. Первые работают постоянно и неуклонно, последние – стихийно, импульсивно, используя насильственные методы, но *если экономическое неравенство становится слишком сильным и достигает точки перенапряжения, то верхушке общества суждено разрушиться или быть низвергнутой* [1, с. 334].

– Профессиональные группы неквалифицированных рабочих, находясь внизу профессиональной пирамиды, являются самыми низкооплачиваемыми работниками, у них *меньше всего прав и самый низкий уровень жизни, самая низкая функция контроля в обществе*. Крупные классы неквалифицированного труда *едва обеспечивают свое собственное существование*. Труженики, не обладающие способностью приспосабливаться к меняющимся условиям, не способные внести новые идеи в свою работу, не имеющие ни малейшего представления, что предпринять в критический момент, скорее *идентифицируются с зависимыми классами*, чем с творцами материальных ценностей общества [1, с. 355];

– Во всей своей полноте механизм социальной селекции и распределения в целом *ответственен* за тип людей, населяющих верхние и нижние этажи, за тип людей, которые опускаются или поднимаются по социальной лестнице, а также за то, какими качествами обладают «аристократия» и представители «нижних классов» общества. Все это детерминировано *качеством и природой организации селекционирующих институтов* и частично характером препятствий, которые они устанавливают для индивидов на всем пути их успешного прохождения через «фильтры». Если эти препятствия *злокачественны и неадекватны*, то и социальное распределение *будет неверным*. В результате все общество будет

страдать. Если они адекватны и правомерны, то и социальное распределение индивидов приведет к процветанию всего общества [1, с. 423].

Как и многие исследователи в области общей социологии, П. Сорокин в указанной работе подтвердил положение о внеисторическом динамизме социальной стратификации, очертания, контур и высота его экономической и политической составляющих – это вневременные характеристики и нормативные ее свойства, а сама социальная стратификация – это константа любого организованного общества, что, по нашему мнению, можно соотнести и с изучаемым нами феноменом. При этом следует уточнить, что изучение маргинальности, как одного из множества социальных явлений, однако, в большей степени испытывающего на себе влияние или давление процессов социальной стратификации, должно рассматриваться с двух точек зрения – чисто психологической (внутренней) и символической (внешней) – в соответствии с методологическим правилом, сформулированным П. Сорокиным, который утверждал, что: «При объяснении действительной закономерности социальной жизни необходимо учитывать характер закономерности *не только психических, но и непсихических явлений*, в которые объективируется чистая “бесплотная” психика» [1, с. 47].

Как представляется, концепция «социальной стратификации» П. Сорокина, значительным образом аккумулировав в себе: 1) положение одного из основателей теории социальных групп Г. Зиммеля («Социальная дифференциация»); 2) взгляды Э. Дюркгейма, блистательно развившего зиммелевскую идею социальной дифференциации в работе «О разделении общественного труда»; 3) «Теорию ценностей» М. Вебера, где он использует понятие Stand (страта), обозначающее общность, объединяемую единым стилем жизни [2, с. 1024]; 4) теорию «классового строения» К. Маркса, базирующуюся на основе противопоставления социально-экономических формаций; 5) психологизм социологических теорий Г. Тарда, объясняющего общественные процессы действием психологического подражания и многие другие подходы академической социологии, предстает в виде интегрального синтеза в работе «Социальная мобильность», необычайно важной как для общей теории маргинальности, так и для теоретико-правового подхода в ней.

Помимо достаточно кратко рассмотренных положений, изложенных в фундаментальных социологических концепциях, отдельное внимание в маргиналистике, на наш взгляд, должно быть уделено антропологическому подходу, изложенному в т.ч. в формате «теории ритуала» английского социолога и исследователя В. Тэрнера. Его исследование, посвященное изучению соотношений «мифа» и «ритуала», на наш взгляд, в значительной степени способствуют уяснению отдельных аспектов социальных, в

т.ч. маргинализационных процессов, происходивших и происходящих в зарубежных и российском обществах.

Для правового подхода в общей теории маргинальности достаточно значимым в концепции В. Тэрнера является выявление автором такого свойства маргинальности, как «лиминальность». Это понятие обозначает униженное и бесправное положение маргинальных индивидов (страт), а также намеренное непризнание или пренебрежение правами этих групп доминирующим большинством. Автор замечает, что свойства лиминальности или лиминальных *personae* непременно двойственны, поскольку и ее носители, и сама лиминальность чрезвычайно амбивалентны, они «выскальзывают» из любой классификации, определяющей место и положение индивида или группы в культурном и социальном пространстве. «Лиминальные существа ни здесь, ни там, ни то ни се, они – в промежутке между положениями, предписанными и распределенными законом или обычаем» [3, с. 169]. Поэтому их двусмысленные и неопределенные свойства автор относит к символическим социальным, а также культурным стадиям переходности в процессе социализации.

Периоды этого лиминального состояния В. Тэрнер описывает как единообразные, пассивные или бездеятельные. Индивиды этих периодов находятся в положении униженных, они должны беспрекословно подчиняться доминирующей группе, в т.ч. принимать даже «несправедливое наказание» [3, с. 169], что, на наш взгляд, можно соотнести с изучением социального положения и специфики формирования поведенческих особенностей таких видов маргинальности как этнокультурная, профессиональная, религиозная, возрастная и др.

Используя понятие «коммунитас», обозначающее социальную группу, некую общность или модель недифференцированного общества, которая находится в начальном процессе перехода к новой культуре (т.е. в маргинальном положении – *P.C.*), В. Тэрнер отмечает, что в лиминальном положении этих групп, или в «лиминальном феномене», он находит интересное смешение приниженности и сакральности, гомогенности и товарищества. Общество представляется Тэрнером как совокупность двух моделей человеческой взаимосвязанности. Первая – как структурная, дифференцированная и зачастую иерархическая система политико-правовых, экономических положений, а вторая – различимая в лиминальный период – как неструктурная или рудиментарно-структурная и сравнительно недифференцированная общность людей.

К лиминальным индивидам или группам Тэрнер относит лиц, находящихся в промежутках социальных структур или на их окраине, а также лиц, занимающих самые низкие положения. Они «прорываются через щели структуры в лиминальность, а через

ее окраины – в маргинальность» [3, с. 198], а затем к низшему, приниженному слою. Лиминальность и маргинальность, ведущие к низшему положению в структуре общественной организации, снабжают людей набором шаблонов или моделей, являющихся на определенном уровне... переклассификациями действительности в отношениях человека и общества [3, с. 199]. Однако, не вызывая сомнения, продолжает автор, что ни одно общество не может существовать без таких структурных элементов.

Представляется, что теория ритуала В. Тэрнера посредством рассмотрения социальных структур традиционных обществ устанавливает в них наличие процессов маргинализации, которые начинаются с отчуждения личности от прежнего места в социальной структуре либо от культурного пространства (или того и другого одновременно) и ведут ее к периоду «лиминальности», т.е. переходному этапу, последующей фазой которой, в своем большинстве, становится маргинальность, и далее – низшее положение элементов «коммунитаса». В этом, по мнению Тэрнера, заключается не ритуальный, а социальный процесс с его диалектикой структур, антиструктур и реструктуризации.

В завершении краткого теоретико-правового дискурса в область академической социологии, оставляя за рамками нашей работы обсуждение отдельных значимых и других теоретических исследований в этой области, хотелось бы остановить свое внимание на своеобразном понимании проблемы маргинальности французского социолога, профессора Сорбоннского университета Р. Будона. Придерживаясь в основном позитивистского подхода к социальным фактам и достаточно критично относясь к основным социологическим направлениям, Р. Будон в этом смысле видит выход из догматического замыкания в объяснении каких бы то ни было систем – в «самокритике» социологии. Анализируя социально-негативные процессы, происходящие в индустриально развитых странах, и, в частности, недоступность и неравенство шансов в получении образования, он не всегда связывает их с последствиями стратификации общества. Выводы «социологии неравенства» Будона достаточно оптимистичны: большинство индустриальных стран медленно, но неуклонно движутся к преодолению этого неравенства; вследствие соответствующих реформ в этих обществах уменьшается общая жесткость социальной стратификации, происходит либерализация и демократизация всей социальной системы. А состояние социального кризиса Р. Будон относит к неким «парадоксальным эффектам» и побочным продуктам действий отдельных индивидов и групп внутри обществ [4, с. 44-45].

Как видится, рассмотрение отдельных, существенных и концептуальных положений основоположников зарубежных и отечественных соци-

ологических школ, явившихся предвестниками формирования общей теории маргинальности, в рамках поставленной задачи познания феномена маргинальности в юридическом ракурсе, по нашему мнению, рефлексия в области социологии представляется вполне оправданой хотя бы потому, что в правовой сфере российской маргиналистики такая попытка предпринимается впервые. По крайней мере, это обстоятельство, на наш взгляд, позволяет утверждать, что в изучаемом социологией взаимодействии социальных структур имеет место быть и, в определенной степени, оказывать свое влияние на качественное состояние и возможные преобразования в нем такой специфический сегмент организации общества как маргинальность.

Принимая во внимание тот факт, что социология, по мнению П. Сорокина, обладает генерализирующим свойством для всех сфер социальных наук, заметим, что обращение правовой науки к ее теоретическим положениям вполне объяснимо, прежде всего, в связи с тем, что само понятие маргинальность обязано своим генетическим происхождением и последующими этапами междисциплинарности его исследования именно этой области общественных знаний. Впоследствии именно эта область гуманитаристики способствовала накоплению опыта в отечественной и зарубежной общей теории маргинальности (в том числе в правовом ее подходе),

включающей в себя весьма разносторонний научный материал, воспроизводящий различные методики и критерии исследования этого специфического явления, что в значительной степени требует обобщения, осмысления, а также консолидации полученных знаний, свободных от одностороннего объяснения феномена маргинальности.

Литература:

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда или метод социологии / пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. – М.: Наука, 1990. – 573 с.
2. Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – 1024 с.
3. Тэрнер В. Символ и ритуал / сост. и автор предисл. В.А. Бейлис. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1983. – 277 с.
4. Митина С.М. Раймон Будон // Современная западная социология. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.

Sociological Background of General Law Theory of Marginality

R. Stepanenko
University of Management «TISBI»

The article refers to the theoretical concepts and ideas of sociology that are in the basis of research of laws and reasons for forming alienation, deviation and other forms of offence.

Key words: alienation, differentiation, stratification, mobility, marginality.

